

Стихотворения. Николай Михайлович Карамзин karamzinniko1ai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://karamzinniko1ai.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения. Николай Михайлович Карамзин

(Сочинена в 1787 г.)

Die Lieder der göttlichen Harfenspieler
schallen mit Macht, wie beseelend.

Клопсток [1][2]

Едва был создан мир огромный, велелепный,
явился человек, прекраснейшая тварь,
Предмет любви творца, любовью рожденный;
Явился – весь сей мир приветствует его,
В восторге и любви, единою улыбкой.
Узрев собор красот и чувствуя себя,
Сей гордый мира царь почувствовал и бога,
Причину бытия – толь живо ощутил
Величие творца, его премудрость, благодать,
Что сердце у него в гимн нежный излилось,
Стремясь лететь к отцу... Поэзия святая!
Се ты в устах его, в источнике своем,
В высокой простоте! Поэзия святая!
Благословляю я рождение твое!
Когда ты, человек, в невинности сердечной,
Как роза цвел в раю, Поэзия тебе
Утехой была. Ты пел свое блаженство,
Ты пел творца его. Сам бог тебе внимал,
внимал, благословлял твои святые гимны:
Гармония была душою гимнов сих –
и часто ангелы в небесных мелодиях,
На лирах золотых, хвалили песнь твою.
Ты пал, о человек! [3] Поэзия упала;
Но дочь небес [4] еще сияла лепотой,
Когда несчастный, вдруг раскаяся в грехе,
Молитвы воспевал – сидя на берегу
Журчащего ручья и слезы проливая,
В унынии, в тоске тебя воспоминал,
Тебя, эдемский сад [5]! Почасту мудрый старец,
Среди сынов своих, внимающих ему,
Согласно, важно пел таинственные песни
и юных научал преданиям отцов.
Бывало иногда, что ангел ниспускался
на землю, как эфир, и смертных наставлял
в Поэзии святой, небесною рукою
настроив лиры им –
живее чувства выражались,
звучнее песни раздавались,
быстрее мчались к творцу.
Столетия текли и в вечность погружались –
Поэзия всегда отрадою была
невинных, чистых душ. Число их уменьшалось;
но гимн царю царей вовек не умолкал –
и в самый страшный день, когда пылало небо
и бурные моря кипели на земли,
среди пучин и бездн, с невиннейшим семейством
(когда погибло все [6]) Поэзия спаслась.
Святой язык небес нередко унижался,
и смертные, забыв великого отца,
хвалили вещество, бездушные планеты!
но был избранный род, который в чистоте
Поэзию хранил и ею просвещался.
Так славный, мудрый бард, [7] древнейший из певцов,
со всюю красотой священной сей науки
воспел, как мир истек из воли божества.
Так оный муж святой, в грядущее проникший, [8]
пел миру часть его. Так царственный поэт,
родившись пастухом, [9] но в духе просвещенный,

Играл хвалы творцу и песню своей
Народы восхищал. Так в храме Соломона
Гремела богу песнь!
Во всех, во всех странах Поэзия святая
Наставницей людей, их счастьем была;
Везде она сердца любовью согревала.
Мудрец, Натуру зная, познав ее творца
И слыша глас его и в громах и в зефирах,
В лесах и на водах, на арфе подражал
Аккордам божества, и глас сего поэта
Всегда был божий глас!
Орфей, фракийский муж, которого вся древность
Едва не богом чтит, Поэзией смягчил
Сердца лесных людей, воздвигнул богу храмы
И диких научил всеильному служить.
Он пел им красоту Натуры, мирозданья;
Он пел им тот закон, который в естестве
Разумным оком зрим; он пел им человека,
Достоинство его и важный сан; он пел,
И звери дикие сбегались,
И птицы стаями слетались
Внимать гармонии его;
И реки с шумом устремлялись,
И ветры быстро обращались
Туда, где мчался глас его.
Омир[10] в стихах своих описывал героев –
И пылкий юный грек, вникая в песнь его,
В восторге восклицал: «Я буду Ахиллесом!
Я кровь свою пролью, за Грецию умру!»
Дивиться ли теперь геройству Александра?
Омира он читал, Омира он любил.
Софокл и Эврипид учили на театре,
Как душу возвышать и полубогом быть.
Бион и Теокрит и Мосхос[11] воспевали
Приятность сельских сцен, и слушатели их
Пленялись красотой природы без искусства,
Приятностью села. Когда Омир поет,
Всяк воин, всяк герой; внимая Теокриту,
Оружие кладут – герой теперь пастух!
Поэзии сердца, все чувства – все подвластно.
Как Сириус блеснит светлее прочих звезд,
Так Августов поэт, так пастырь Мантуанский[12]
Сиял в тебе, о Рим! среди твоих певцов.
Он пел, и всякий мнил, что слышит глас Омира[13];
Он пел, и всякий мнил, что сельский Теокрит[14]
Еще не умирал или воскрес в сем барде.
Овидий воспевал начало всех вещей[15],
Златый блаженный век, серебряный и медный,
Железный, наконец, несчастный, страшный век,
Когда гиганты, род надменный и безумный,
Собрав громады гор, хотели вознестись
К престолу божества; но тот, кто громом правит,
Погреб их в сих горах[16].
Британия есть мать поэтов величайших.
Древнейший бард ее, Фингалов мрачный сын,[17]
Оплакивал друзей, героев, в битве падших,
И тени их к себе из гроба вызывал.
Как шум морских валов, носясь по пустыням
Далеко от берегов, уныние в сердцах
Внимающих родит, так песни Оссиана,
Нежнейшую тоску вливая в томный дух,
Настраивают нас к печальным представлениям;
Но скорбь сия мила и сладостна душе.
Велик ты, Оссиан, велик, неподражаем!
Шекспир, Натуры друг! кто лучше твоего
Познал сердца людей? Чья кисть с таким искусством
Живописала их? Во глубине души
Нашел ты ключ ко всем великим тайнам рока

Стихотворения. Николай Михайлович Карамзин karamzinniko1ai.ru
И светом своего бессмертного ума,
Как солнцем, озарил пути ночные в жизни!
«Все башни, коих верх скрывается от глаз
В тумане облаков; огромные чертоги
И всякий гордый храм исчезнут, как мечта, –
В течение веков и места их не сыщем», –
Но ты, великий муж, пребудешь незабвен! [18]
Мильтон, высокий дух, в гремящих страшных песнях
Описывает нам бунт, гибель Сатаны;
Он душу веселит, когда поет Адама,
Живущего в раю; но, голос ниспустив,
Вдруг слезы из очей ручьями извлекает,
Когда поет его, подпадного греху.
О Йонг [19], несчастных друг, несчастных утешитель!
Ты бальзам в сердце льешь, сушишь источник слез,
И, с смертью друга, дружишь ты нас и с жизнью!
Природу возлюбив, природу рассмотрев
И вникнув в круг времен, в тончайшие их тени,
Нам Томсон [20] возгласил природы красоту,
Приятности времен. Натуры сын любезный,
О Томсон! ввек тебя я буду прославлять!
Ты выучил меня природой наслаждаться
И в мрачности лесов хвалить творца ее!
Альпийский Теокрит [21], сладчайший песнопевец!
Еще друзья твои в печали слезы льют –
Еще зеленый мох не виден на могиле,
Скрывающей твой прах! В восторге пел ты нам
Невинность, простоту, пастушеские нравы
И нежные сердца свирелью восхищал.
Сию слезу мою, текущую толь быстро,
Я в жертву приношу тебе, Астреин друг!
Сердечную слезу, и вздох, и песнь поэта,
Любившего тебя, прими, благослови,
О дух, блаженный дух, здесь в Геснере блиставший! [22]
Несяся на крылах превыспренних орлов,
Которые певцов божественныя славы
Мчат в вышние миры, да тему почерпнут
Для гимна своего, певец избранный Клопшток
Вознесся выше всех и там, на небесах,
Был тайнам научен, и той великой тайне,
Как бог стал человек. Потом воспел он нам
Начало и конец Мессииных страданий [23],
Спасение людей. Он богом вдохновен –
Кто сердцем всем еще привязан к плоти, к миру,
Того язык немеет, и песней толь святых
Не оскверняй хвалою; но вы, святые мужи,
В которых уже глас земных страстей умолк,
В которых мрака нет! вы чувствуете цену
Того, что Клопшток пел, и можете одни,
Во глубине сердец, хвалить сего поэта!
Так старец, отходя в блаженнейшую жизнь,
В восторге произнес: «О Клопшток несравненный!» [24]
Еще великий муж собою красит мир –
Еще великий дух земли сей не оставил.
Но нет! он в небесах уже давно живет –
Здесь тень мы зрим сего священного поэта.
О россы! век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень.
Исчезла ночи мгла – уже Авроры свет
В **** блестит, и скоро все народы
На север притекут светильник возжигать,
Как в баснях Прометей тек к огненному Фебу,
Чтоб хладный, темный мир согреть и осветить.
Доколе мир стоит, доколе человеки
Жить будут на земле, дотоле дщерь небес,
Поэзия, для душ чистейших благом будет.
Доколе я дышу, дотоле буду петь,
Поэзию хвалить и ею утешаться.

Когда ж умру, засну и снова пробужусь, –
Тогда, в восторгах погружаясь,
И вечно, вечно наслаждаясь,
Я буду гимны петь творцу,
Тебе, мой бог, господь всесильный,
Тебе, любви источник дивный,
Узрев там все лицом к лицу!
1787

Граф Гваринос[25]
Древняя гишпанская историческая песня

Худо, худо, ах, французы,
В Ронцевале[26] было вам!
Карл Великий там лишился
Лучших рыцарей своих.
И Гваринос был пойман
Многим множеством врагов;
Адмирала вдруг пленили
Семь арабских королей.
Семь раз жеребей бросают
О Гвариносе цари;
Семь раз сряду достается
Марлотесу он на часть.
Марлотесу он дороже
Всей Аравии большой.
«Ты послушай, что я молвлю,
О Гваринос! – он сказал. –
Ради Аллы, храбрый воин,
Нашу веру приими!
Все возьми, чего захочешь,
Что приглянется тебе.
Дочерей моих обеих
Я Гвариносу отдам;
На любой из них женися,
А другую так возьми,
Чтоб Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравию приданым
Я за дочерью отдам».
Тут Гваринос слово молвил;
Марлотесу он сказал:
«Сохрани господь небесный
И Мария, мать его,
Чтоб Гваринос, христианин,
Магомету послужил!
Ах! во Франции невеста
Дорогая ждет меня!»
Марлотес, пришедши в ярость,
Грозным голосом сказал:
«Вмиг Гвариноса окуйте,
Нечестивого раба;
И в темницу преисподню
Засадите вы его.
Пусть гниет там понемногу,
И умрет, как бедный червь!
Цепи тяжки, в семь сот фунтов,
Возложите на него,
От плеча до самой шпоры. –
Страшен в гневе Марлотес! –
А когда настанет праздник,
Пасха, святки, духов день,
В кровь его тогда секите
Пред глазами всех людей».
Дни проходят, дни приходят,
И настал Иванов день;
Христиане и арабы
Вместе празднуют его.

Христиане сыплут галгант; [27]
Мирты мечет всякий мавр. [28]
В почестъ празднику заводит
Разны игры Марлотес.
Он высоко цель поставил,
Чтоб попасть в нее копьем.
Все свои бросают копья,
Все арабы метят в цель.
Ах, напрасно! нет удачи!
Цель для слабых высока.
Марлотес велел во гневе
Через герольда объявить:
«Детям груди не сосати,
А большим не пить, не есть,
Если цели сей на землю
Кто из мавров не сшибет!»
И Гваринос шум услышал
В той темнице, где сидел.
«Мать святая, чиста дева!
Что за день такой пришел?
Не король ли ныне вздумал
Выдать замуж дочь свою?
Не меня ли сечь жестоко
Час презлой теперь настал?»
Страж темничный то подслушал.
«О Гваринос! свадьбы нет;
Ныне сечь тебя не будут;
Трубный звук не то гласит...
Ныне праздник Иоаннов [29];
Все арабы в торжестве.
Всем арабам на забаву
Марлотес поставил цель.
Все арабы копья мечут,
Но не могут в цель попасть;
Почему король во гневе
Через герольда объявил:
«Пить и есть никто не может,
Буде цели не сшибут».
Тут Гваринос вострепенулся;
Слово молвил он сие:
«Дайте мне коня и сбрую,
С коей Карлу я служил;
Дайте мне копье булатно,
Коим я врагов разил.
Цель тотчас сшибу на землю,
Сколь она ни высока.
Если ж я сказал неправду,
Жизнь моя у вас в руках».
«Как! – на то тюремщик молвил. –
Ты семь лет в тюрьме сидел,
Где другие больше года
Не могли никак прожить;
И еще ты думать можешь,
Что сшибешь на землю цель?
Я пойду сказать инфанту,
Что теперь ты говорил».
Скоро, скоро поспешает
Страж темничный к королю;
Приближается к инфанту
И приносит весть ему:
«Знай: Гваринос христианин,
Что в тюрьме семь лет сидит,
Хочет цель сшибить на землю,
Если дашь ему коня».
Марлотес, сие услышав,
За Гвариносом послал;
Царь не думал, чтоб Гваринос
Мог еще конем владеть.

Он велел принести всю сбрую
И коня его сыскать.
Сбруя ржавчиной покрыта,
Конь возил семь лет песок.
«Ну, ступай! – сказал с насмешкой
Марлотес, арабский царь. –
Покажи нам, храбрый воин,
Как сильна рука твоя!»
Так, как буря разъяренна,
К цели мчится сей герой;
Мечет он копье булатно –
На земле вдруг цель лежит.
Все арабы взволновались,
Мечут копья все в него;
Но Гваринос, воин смелый,
Храбро их мечом сечет.
Солнца свет почти затмился
От великого числа
Тех, которые стремились
На Гвариноса все вдруг.
Но Гваринос их рассеял
И до Франции достиг.
Где все рыцари и дамы
С честью приняли его.
1789

Осень
Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.
Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло –
Скрылись птички.
Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
В горних пределах.
Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.
Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.
Странник печальный, утешься!
Вянет природа
Только на малое время;
Все оживится,
Все обновится весной;
С гордой улыбкой
Снова природа восстанет
В брачной одежде.
Смертный, ах! вянет навеки!
Старец весной
Чувствует хладную зиму
Ветхия жизни.
1789

Женева

Веселый час
Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край вино!
Всё до капли выпивайте!
Осушайте в рюмках дно!

Мы живем в печальном мире;
Всякий горе испытал,
В бедном рубище, в порфире, –
Но и радость бог нам дал.
Он вино нам дал на радость,
Говорит святой мудрец:
Старец в нем находит младость,
Бедный – горестям конец.
Кто все плачет, все вздыхает,
Вечно смотрит Сентябрем, –
Тот науки жить не знает
И не видит света днем.
Все печальное забудем,
Что смущало в жизни нас;
Петь и радоваться будем
В сей приятный, сладкий час!
Да светлеет сердце наше,
Да сияет в нем покой,
Как вино сияет в чаше,
Осребряемо луной!
1791

Раиса
Древняя баллада

Во тьме ночной ярилась буря;
Сверкал на небе грозный луч;
Гремели громы в черных тучах,
И сильный дождь в лесу шумел.
Нигде не видно было жизни;
Сокрылось все под верный кров.
Раиса, бедная Раиса,
Скиталась в темноте одна.
Нося отчаяние в сердце,
Она не чувствует грозы,
И бури страшный вой не может
Ее стенаний заглушить.
Она бледна, как лист увядший,
Как мертвый цвет, уста ее;
Глаза покрыты томным мраком,
Но сильно бьется сердце в ней.
С ее открытой белой груди,
Язвимою ветвями деревьев,
Текут ручьи кипящей крови
На зелень влажных земли.
Над морем гордо возвышался
Хребет гранитных горы;
Между стремнин, по камням острым
Раиса всходит на него.
(Тут бездна яростно кипела
При блеске огненных лучей;
Громады волн неслись с ревом,
Грозя всю землю потопить.)
Она взирает, умолкает;
Но скоро жалкий стон ея
Смешался вновь с шумящей бурей:
«Увы! увы! погибла я!
Кронид, Кронид, жестокий, милый!
Куда ушел ты от меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?
Кронид! поди ко мне! Забуду,
Забуду все, прощу тебя!
Но ты нейдешь к Раисе бедной!..
Почто тебя узнала я?
Отец и мать меня любили,
И я любила нежно их;
В невинных радостях, в забавах

Часы и дни мои текли.
Когда ж явился ты, как ангел,
И с нежным вздохом мне сказал:
«Люблю, люблю тебя, Раиса!» –
Забыла я отца и мать.
В восторге, с трепетом сердечным
И с пламенной слезой любви
В твои объятия упала
И сердце отдала тебе.
Душа моя в твою вселилась,
В тебе жила, дышала я;
В твоих глазах свет солнца зрела;
Ты был мне образ божества.
Почто я жизни не лишилась
В объятиях твоей любви?
Не зрела б я твоей измены,
И счастлив был бы мой конец.
Но рок судил, чтоб ты другую
Раисе верной предпочел;
Чтоб ты меня навек оставил,
Когда сном крепким я спала,
Когда мечтала о Крониде
И мнила обнимать его!
Увы! я воздух обнимала...
Уже далеко был Кронид!
Мечта исчезла, я проснулась;
Звала тебя, но ты молчал;
Искала взором, но не зрела
Тебя нигде перед собой.
На холм высокий я спешила...
Несчастливая!.. Кронид вдали
Бежал от глаз моих с Людмилой!
Без чувств тогда упала я.
С сея ужасныя минуты
Крушусь, тоскую день и ночь;
Ищу везде, зову Крониды, –
Но ты не хочешь мне внимать.
Теперь злосчастливая Раиса
Звала тебя в последний раз...
Душа моя покоя жаждет...
Прости!.. Будь счастлив без меня!»
Сказав сии слова, Раиса
Низверглась в море. Грянул гром:
Сим небо возвестило гибель
Тому, кто погубил ее.
1791

Кладбище [30]

Один голос
Страшно в могиле, хладной и темной!
Ветры здесь воют, гробы трясутся,
Белые кости стучат.
Другой голос
Тихо в могиле, мягкой, покойной.
Ветры здесь веют; спящим прохладно;
Травки, цветочки растут.
Первый
Червь кровоглавый точит умерших,
В черепах желтых жабы гнездятся,
Змии в крапиве шипят.
Второй
Крепок сон мертвых, сладостен, кроток;
В гробе нет бури; нежные птички
Песнь на могиле поют.
Первый
Там обитают черные враны,
Алчные птицы; хищные звери
С ревом копают в земле.

Второй

Маленький кролик в травке зеленой
С милой подружкой там отдыхает;
Голубь на веточке спит.

Первый

Сырость со мглою, густо мешаясь,
Плавают тамо в воздухе душном;
Древо без листьев стоит.

Второй

Тамо струится в воздухе светлом
Пар благовонный синих фиалок,
Белых яминов, лилей.

Первый

Странник боится мертвой юдоли;
Ужас и трепет чувствуя в сердце,
Мимо кладбища спешит.

Второй

Странник усталый видит обитель
Вечного мира – посох бросая,
Там остается навек.

1792

К соловью

Пой во мраке тихой рощи,
Нежный, кроткий соловей!
Пой при свете лунной ночи!
Глас твой мил душе моей.
Но почто ж рекой катятся
Слезы из моих очей,
Чувства ноют и томятся
От гармонии твоей?
Ах! я вспомнил забывенных,
В недрах хладных земли
Хищной смертью заключенных;
Их могилы заросли
Все высокою травюю.
Я остался сиротою..
Я остался в горе жить,
Тосковать и слезы лить!..
С кем теперь мне наслаждаться
Нежной песнию твоей?
С кем природой утешаться?
Все печально без друзей!
С ними дух наш умирает,
Радость жизни отлетает;
Сердцу скучно одному –
Свет пустыня, мрак ему.
Скоро ль песнию своею,
О любезный соловей,
Над могилою мою
Будешь ты пленять людей?

1793

Семейный портрет князей Барятинских.

Гравюра Р. Морген с оригинала А. Кауфман. 1790-е годы.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Послание к Дмитриеву в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости[31]

Конечно так, – ты прав, мой друг!

Цвет счастья скоро увядает,
И юность наша есть тот луг,
Где сей красавец расцветает.
Тогда в эфире мы живем

И нектар сладостный прием
Из полной олимпийской чаши;
Но жизни алая весна
Есть миг – увы! пройдет она,
И с нею мысли, чувства наши
Лишатся свежести своей.
Что прежде душу веселило,
К себе с улыбкою манило,
Немило, скучно будет ей.
Надежды и мечты златые,
Как птички, быстро улетят,
И тени хладные, густые
Над нами солнце затемнят, –
Тогда, подобно Иксиону,
Не милую свою Юнону,
Но дым увидим пред собой! [32]
И я, о друг мой, наслаждался
Своею красною весной;
И я мечтами обольщался –
Любил с горячностью людей,
Как нежных братий и друзей;
Желал добра им всей душою;
Готов был кровию мою
Пожертвовать для счастья их
И в самых горестях своих
Надеждой сладкой веселился
Небесполезно жить для них –
Мой дух сей мыслию гордился!
Источник радостей и благ
Открыть в чувствительных душах;
Пленить их истиной святою,
Ее нетленной красотой;
Орудием небесным быть
И в памяти потомства жить
Казалось мне всего славнее,
Всего прекраснее, милее!
Я жребий свой благословлял,
Любуясь прелестью награды, –
И тихий свет моей лампы
С звездой утра угасал.
Златое дневное светило
Примером, образцом мне было...
Почто, почто, мой друг, не век
Обманом счастлив человек?
Но время, опыт разрушают
Воздушный замок юных лет;
Красы волшебства исчезают...
Теперь иной я вижу свет, –
И вижу ясно, что с Платоном
Республик нам не учредить, [33]
С Питтаком, Фалесом, Зеноном [34]
Сердце жестоких не смягчить.
Ах! зло под солнцем бесконечно,
И люди будут – люди вечно.
Когда несчастных Данаид [35]
Сосуд наполнится водою,
Тогда, чудесною судьбою,
Наш шар примет лучший вид:
Сатурн на землю возвратится
И тигра с агнцем помирит;
Богатый с бедным подружится
И слабый сильного простит.
Дотоле истина опасна,
Одним скучна, другим ужасна;
Никто не хочет ей внимать,
И часто яд тому есть плата,
Кто гласом мудрого Сократа [36]
Дерзает буйству угрожать.

Гордец не любит наставленья,
Глупец не терпит просвещенья –
Итак, лампаду угасим,
желая доброй ночи им.
Но что же нам, о друг любезный,
Осталось делать в жизни сей,
Когда не можем быть полезны,
Не можем пременить людей?
Оплакать бедных смертных долю
И мрачный свет предать на волю
Судьбы и рока: пусть они,
Сим миром правя искони,
И впредь творят что им угодно!
А мы, любя дышать свободно,
Себе построим тихий кров
За мрачной сению лесов,
Куда бы злые и невежды
Вовек дороги не нашли
И где б без страха и надежды
Мы в мире жить с собой могли,
Гнушаться издали пороком
И ясным, терпеливым оком
Взирать на тучи, вихрь сует,
От грома, бури укрываясь
И в чистом сердце наслаждаясь
Мерцанием вечерних лет,
Остатком теплых дней осенних.
Хотя уж нет цветов весенних
У нас на лицах, на устах
И юный огонь погас в глазах;
Хотя красавицы престали
Меня любезным называть
(Зефиры с нами отыграли!),
Но мы не должны унывать:
Живем по общему закону!..
Отелло в старости своей
Пленил младую Дездемону [37]
И вкрался тихо в сердце к ней
Любознательных муз прелестным даром.
Он с нежным, трогательным жаром
В картинах ей изображал,
Как случай в жизни им играл;
Как он за дальними морями,
Необозримыми степями,
Между ревущих, пенных рек,
Среди лесов густых, дремучих,
Песков горящих и сыпучих,
Где люди не бывали ввек,
Бесстрашно в юности скитался,
Со львами, тиграми сражался,
Терпел жестокий зной и хлад,
Терпел усталость, жажду, глад.
Она внимала, удивлялась;
Брала участие во всем;
В опасность вместе с ним вдавалась
И в нежном пламени своем,
С блестящею в очах слезою,
Сказала: «Я люблю тебя!»
И мы, любезный друг, с тобою
Найдем подругу для себя,
Подругу с милою душою,
Она приятностью своею
Украсит запад наших дней.
Беседа опытных людей,
Их басни, повести и были
(Нас лета сказкам научили!)
Ее внимание займут,
Ее любовь приобретут.

Любовь и дружба – вот чем можно
Себя под солнцем утешать!
Искать блаженства нам не должно,
Но должно – менее страдать;
И кто любил, кто был любимым,
Был другом нежным, другом чтимым,
Тот в мире сем недаром жил,
Недаром землю бременил.
Пусть громы небо потрясают,
Злодеи слабых угнетают,
Безумцы хвалят разум свой!
Мой друг! не мы тому виной.
Мы слабых здесь не угнетали
И всем ума, добра желали:
У нас не черные сердца!
И так без трепета и страха
Нам можно ожидать конца
И лечь во гроб, жилище праха.
Завеса вечности страшна
Убийцам, кровью обгаренным,
Слезами бедных орошенным.
В ком дух и совесть без пятна,
Тот с тихим чувствием встречает
Златую фебову стрелу, [38]
И ангел мира освещает
Пред ним густую смерти мглу.
Там, там, за синим океаном,
Вдали, в мерцании багряном,
Он зрит... но мы еще не зрим.
1794

Послание к Александру Алексеевичу Плещееву [39]

Мой друг! вступая в шумный свет
С любезной, искренней душою,
В весеннем цвете юных лет,
Ты хочешь с музою моею
В свободный час поговорить
О том, чего все ищут в свете;
Что вечно у людей в предмете;
О чем позволено судить
Ученым, мудрым и невежде,
Богатым в золотой одежде
И бедным в рубище худом,
На тронах, славой окруженных,
И в сельских хижинах смиренных;
Что в каждом климате земном
Надежду смертных составляет,
Сердца всечасно обольщает,
Но, ах!.. не зримо ни в одном!
О счастья слово. Удалимся
Под ветви сих зеленых ив;
Прохладой чувства освежив,
Мы там беседой насладимся
В любезной музам тишине. [40]
Мой друг! поверишь ли ты мне,
Чтоб десять тысяч было мнений,
Ученых философских прений
В архивах древности седой [41]
О средствах жить счастливо в свете,
О средствах обрести покой?
Но точно так, мой друг; в сем счете
Ошибки нет. Фалес, Хилон [42],
Питтак, Эпименид [43], Критон [44],
Бионы [45], Симмии [46], Стильпоны [47],
Эсины, Эрмии, [48] Зеноны,
В лицее, в храмах и садах,
На бочках, темных чердаках
О благе вышнем говорили

И смертных к счастью манили
Своею... нищенской клюкой,
Клянясь священной бородой,
Что плод земного совершенства
В саду их мудрости растет;
Что в нем нетленный цвет блаженства,
Как роза пышная, цветет.
Слова казались прекрасны,
Но только были несогласны.
Один кричал: ступай туда!
Другой: нет, нет, поди сюда!
Что ж греки делали? Смеялись,
Ученой распрей забавлялись,
А счастье... называли сном!
И в наши времена о том
Бывает много шуму, спору.
Немало новых гордецов,
Которым часто без разбору
Дают название мудрецов;
Они нам также обещают
Открыть прямой ко счастью след;
В глаза же счастья не знают;
Живут, как все, под игом бед;
Живут, и горькими слезами
Судьбе тихонько платят сами
За право умниками слыть,
О счастье в книгах говорить!
Престанем льстить себя мечтою,
Искать блаженства под луною!
Скорее, друг мой, ты найдешь
Чудесный философский камень, [49]
Чем век без горя проживешь.
Япетов сын [50] эфирный пламень
Похитил для людей с небес,
Но счастья к ним он не принес;
Оно в удел нам не досталось
И там, с Юпитером, осталось.
Вздыхай, тужи; но пользы нет!
Судьбы рекли: «Да будет свет
Жилищем призраков, сует,
Немногих благ и многих бед!»
Рекли – и Суеты спустились
На землю шумною толпой:
Герои в латы нарядились,
Пленясь Славы красотой;
Мечом махнули, полетели
В забаву умерщвлять людей;
Одни престолов захотели,
Другие самых алтарей;
Одни шумящими рулями
Рассекли пену дальних вод;
Другие мощными руками
Отверзли в землю темный ход,
Чтоб взять пригоршни светлой пыли!
Мечты всем головы вскружили,
А горесть врезалась в сердца.
Народов сильных победитель
И стран бесчисленных властитель
Под блеском светлого венца
В душевном мраке унывает
И часто сам того не знает,
Начто величия желал
И кровью лавры омочал!
Смельчак, Америку открывший,
Пути ко счастью не открыл;
Индейцев в цепи заключивший
Цепями сам окован был, [51]
Провел и кончил жизнь в страданье. –

А сей вздыхающий скелет,
Который богом чтит стяжанье,
Среди богатств в тоске живет!..
Но кто, мой друг, в морской пучине
Глазами волны перечтет?
И кто представит нам в картине
Ничтожность всех земных сует?
Что ж делать нам? Ужель сокрыться
В пустыню Муромских лесов,
В какойнибудь безвестный кров,
И с миром навсегда проститься,
Когда, к несчастью, мир таков?
Увы! Анахорет не будет
В пустыне счастливее нас!
Хотя земное и забудет;
Хотя умолкнет страсти глас
В его душе уединенной,
Безмолвным мраком огражденной,
Но сердце станет унывать,
В груди холодной тосковать,
Не зная, чем ему заняться.
Тогда пустынною явятся
Химеры, адские мечты,
Плоды душевной пустоты!
Чудовищ грозных миллионы,
Змеи летучие, драконы,
Над ним крылами зашумят
И страхом ум его затмят...[52]
В тоске он жизнь свою скончает!
Каков ни есть подлунный свет,
Хотя блаженства в оном нет,
Хотя в нем горесть обитает, –
Но мы для света рождены,
Душой, умом одарены
И должны в нем, мой друг, остаться.
Чем можно, будем наслаждаться,
Как можно менее тужить,
Как можно лучше, тише жить,
Без всяких суетных желаний,
Пустых, блестящих ожиданий;
Но что приятное найдем,
То с радостью себе возьмем.
В лесах унылых и дремучих
Бывает краше анемон,
Когда украдкой выдет он
Один среди песков сыпучих;
Во тьме густой, в печальной мгле
Сверкнет луч солнца веселее:
Добра не много на земле,
Но есть оно – и тем милее
Ему быть должно для сердец.
Кто малым может быть доволен,
Не скован в чувствах, духом волен,
Не есть чинов, богатства льстец;
Душою так же прям, как станом;
Не ищет благ за океаном
И с моря кораблей не ждет,
Шумящих ветров не робеет,
Под солнцем домик свой имеет,
В сей день для дня сего живет
И мысли в даль не простирает;
Кто смотрит прямо всем в глаза;
Кому несчастного слеза
Отравы в пищу не вливает;
Кому работа не трудна,
Прогулка в поле не скучна
И отдых в знойный час любезен;
Кто ближним иногда полезен

Рукой своей или умом;
Кто может быть приятным другом,
Любимым, счастливым супругом
И добрым милых чад отцом;
Кто муз от скуки призывает
И нежных граций, спутниц их;
Стихами, прозой забавляет
Себя, домашних и чужих;
От сердца чистого смеется
(Смеяться, право, не грешно!)
Над всем, что кажется смешно, –
Тот в мире с миром уживется
И дней своих не прекратит
Железом острым или ядом;
Тому сей мир не будет адом;
Тот путь свой розой оцветит
Среди колючих жизни терний,
Отраду в горестях найдет,
С улыбкой встретит час вечерний
И в полночь тихим сном заснет.
1794

К самому себе
Прости, надежда!.. и навек!..
Исчезло все, что сердцу льстило,
Душе моей казалось мило;
Исчезло! Слабый человек!
Что хочешь делать? обливаться
Рекою горьких, тщетных слез?
Стенать во прахе и терзаться?..
Что пользы? Рока и небес
Не тронешь ты своей тоскою
И будешь жалок лишь себе!
Нет, лучше докажи судьбе,
Что можешь быть велик душою,
Спокоен вопреки всему.
Чего робеть? ты сам с собою!
Прибегни к сердцу своему:
Оно твой друг, твоя отрада,
За все несчастья награда –
Еще ты в свете не один!
Еще ты мира гражданин!..
Смотри, как солнце над тобою
Сияет славой, красотой;
Как ясен, чист небесный свод;
Как мирно, тихо все в природе!
Зефир струит зеркало вод,
И птички в радостной свободе
Поют: «Будь весел, улыбнись!»
Поют тебе согласным хором.
А ты стоишь с унылым взором,
С душою мрачной?.. Ободришь
И вспомни, что бывал ты прежде,
Как мудрым в чувствах подражал,
Сократа сердцем обожал,
С Катонем смерть любил, в надежде
Носить бессмертия венец.
Житейских радостей конец
Да будет для тебя началом
Геройской твердости в душе!
Язвимый лютых бедствий жалом,
Забвенный в темном шалаше
Всем светом, ложными друзьями,
Умей спокойными очами
На мир обманчивый взирать,
Несчастье с счастьем презирать!
Я столько лет мечтой пленялся,
Хотел блаженства, восхищался!..

В минуту все покрылось тьмой,
И я остался лишь с тоской!
Так некий зодчий, созида
Огромный, велелепный храм
На диво будущим векам,
Гордился духом, помышляя
О славе дела своего;
Но вдруг огромный храм трясется,
Падет... упал... и нет его!..
Что ж бедный зодчий? он клянется
Не строить впредь, беспечно жить..
А я клянуся... не любить!
1795

К бедному поэту
Престань, мой друг, поэт унылый,
Роптать на скудный жребий свой
И знай, что бедность и покой
Еще быть могут сердцу милы.
Фортуна-мачеха тебя,
За что то очень невзлюбя,
Пустой сумою наградила
И в мир с клюкою отпустила;
Но истинно родная мать,
Природа, любит награждать
Несчастливых пасынков фортуны:
Дает им ум, сердечный жар,
Искусство петь, чудесный дар
Вливать огонь в золотые струны,
Сердца гармонией пленять.
Ты сей бесценный дар имеешь;
Стихами чистыми умеешь
Любовь и дружбу прославлять;
Как птичка, в белом свете волен,
Не знаешь клетки, ни оков, –
Чего же больше? будь доволен;
Вздыхать, роптать есть страсть глупцов.
Взгляни на солнце, свод небесный,
На свежий луг, для глаз прелестный;
Смотри на быстрюю реку,
Летящую с серебристой пеной
По светло-желтому песку;
Смотри на лес густой, зеленый
И слушай песни соловья.
Поэт! Натура вся твоя.
В ее любезном сердцу лоне
Ты царь на велелепном троне.
Оставь другим носить венец:
Гордись, нежных чувств певец,
Венком, из нежных роз сплетенным,
Тобой от граций полученным!
Тебе никто не хочет льстить:
Что нужды? кто в душе спокоин,
Кто истинной хвалы достоин,
Тому не скучно век прожить
Без шума, без льстецов коварных.
Не можешь ты чинов давать,
Но можешь зернами питать
Семейство птичек благодарных;
Они хвалу тебе споят
Гораздо лучше стиходеев,
Тиранов слуха, лже-Орфеев,
Которых музы в одах лгут
Нескладно-пышными словами.
Мой друг! существенность бедна:
Играй в душе своей мечтами,
Иначе будет жизнь скучна.
Не Крез с мешками, сундуками

Здесь может веселее жить,
Но тот, кто в бедности умеет
Себя богатством веселить;
Кто дар воображать имеет
В кармане тысячу рублей,
Копейки в доме не имея.
Поэт есть хитрый чародей:
Его живая мысль, как фея,
Творит красавиц из цветка;
На сосне розы производит,
В крапиве нежный мирт находит
И строит замки из песка.
Лукуллы в неге утонченной
Напрасно вкус свой притупленный
Хотят чем новым усладить.
Сатрап с лаисою[53] зевает;
Платок ей бросив, засыпает.
Их жребий: дни считать, не жить;
Душа их в роскоши истлела,
Подобно камню онемела
Для чувства радостей земных.
Избыток благ и наслажденья
Есть хладный гроб воображенья;
В мечтах, в желаниях своих
Мы только счастливы бываем;
Надежда – золото для нас,
Призрак любезнейший для глаз,
В котором счастье лобызаем.
Не сытому хвалить обед,
За коим нимфы, Ганимед
Гостям амброзию разносят,
И не в объятиях Лизет
Певцы красавиц превозносят;
Все лучше кажется вдали.
Сухими фигами питаюсь,
Но в мыслях царски наслаждаясь
Дарами моря и земли,
Зови к себе в стихах игривых
Друзей любезных и счастливых
На сладкий и роскошный пир;
Сбери красоток несравненных,
Веселым чувством оживленных;
Вели им с нежным звуком лир
Петь в громком и приятном хоре,
Летать, подобно Терпсихоре,
При плеске радостных гостей
И милой ласкою своей,
Умильным, сладострастным взором,
Немым, но внятным разговором
Сердца к тому приготавливать,
Чего... в стихах нельзя сказать.
Или, подобно Дон-Кишоту,
Имея к рыцарству охоту,
В шишак и панцирь нарядись,
На борзого коня садись,
Ищи опасных приключений,
Волшебных замков и сражений,
Чтоб добрым принцем помогать
Принцесс от уз освобождать.
Или, Платонов воскрешая
И с ними ум свой изощряя,
Закон республикам давай[54]
И землю в небо превращай.
Или... но как все то исчислить,
Что может стихотворец мыслить
В укромной хижинке своей?
Мудрец, который знал людей,
Сказал, что мир стоит обманом;

Мы все, мой друг, лжецы:
Простые люди, мудрецы;
Непроницаемым туманом
Покрыта истина для нас.
Кто может вымышлять приятно,
Стихами, прозой, – в добрый час!
Лишь только б было вероятно.
Что есть поэт? искусный лжец:
Ему и слава и венец!
1796

Тацит[55]
Тацит велик; но Рим, описанный Тацитом,
Достоин ли пера его?
В сем Риме, некогда геройством знаменитом,
Кроме убийц и жертв не вижу ничего.
Жалеть об нем не должно:
Он стоил лютых бед несчастья своего,
Терпя, чего терпеть без подлости не можно!
1797

Протей, или несогласия[56] стихотворца
N.V. Говорят, что поэты нередко сами себе противоречат и переменяют свои мысли о вещах.

Сочинитель отвечает:

Ты хочешь, чтоб поэт всегда одно лишь мыслил,
Всегда одно лишь пел: безумный человек!
Скажи, кто образы Протеевы исчислил?
Таков питомец муз и был и будет век.
Чувствительной душе не сродно, ль изменяться?
Она мягка как воск, как зеркало ясна,
И вся природа в ней с оттенками видна.
Нельзя ей для тебя единою казаться
В разнообразии естественных чудес.
Взглянем на светлый пруд, едва едва струимый
Дыханьем ветерка: в сию минуту зримы
В нем яркий Фебов свет, чистейший свод небес
И дерзостный орел, горе один парящий;
Кудрявые верхи развесистых древес;
В сени их пастушок с овечкою стоящий;
На ветви голубок с подружкою своей
(Он дремлет, под крыло головку спрятав к ней) –
Еще минута... вдруг иное представленьё:
Сокрыли облака в кристалле Фебов зрак;
Там стелется один волнистый, сизый мрак.
В душе любимца муз такое ж измененье
Бывает каждый час; что видит, то поет,
И, всем умея быть, всем быть перестает.
Когда в весенний день, среди лугов цветущих
Гуляя, видит он Природы красоты,
Нимф сельских хоровод, играющих, поющих,
Тогда в душе его рождаются мечты
О веке золотом, в котором люди жили
Как братья и друзья, пасли свои стада,
Питались их млеком; не мысля никогда,
Что есть добро и зло, по чувству добры были,
А более всего... резвились и любили!
Тогда он с Геснером свирелию своей
Из шума городов зовет в поля людей.
«Оставьте, – говорит, – жилище скуки томной,
Где все веселие в притворстве состоит;
Где вы находите единый ложный вид
Утехи и забав. В сени Природы скромной
Душевный сладкий мир с веселостью живет;
Там счастье на лугу с фиалками цветет
И смотрится в ручей с пастушкою прекрасной.

О счастья в городах лишь только говорят,
Не чувствуя его; в селе об нем молчат,
Но с ним проводят век, как день весенний ясной,
В невинности златой, в сердечной простоте».
Когда ж глазам его явится блеск искусства
В чудесности своей и в полной красоте:
Великолепный град, картина многолюдства,
Разнообразное движение страстей,
Подобных бурному волнению морей,
Но действием ума премудро соглашенных
И к благу общества законом обращенных:
Театр, где, действуя лишь для себя самих,
Невольно действуем для выгоды других; [57]
Машина хитрая, чудесное сцепленье
Бесчисленных колес; ума произведение,
Но, несмотря на то, загадка для него!
Тогда певец села в восторге удивленья,
Забыв свирель, берет для гимна своего
Златую лиру, петь успехи просвещенья:
«Что был ты, человек, с природою один?
Ничтожный раб ее, живущий боязливо.
Лишь в обществе ты стал природы властелин
И в первый раз взглянул на небо горделиво,
Взглянул и прочитал там славный жребий свой:
Быть в мире сем царем, творения главой.
Лишь в обществе душа твоя себе сказалась,
И сердце начало с сердцами говорить;
За мыслию одной другая вслед рождалась,
Чтоб лестницей уму в познаниях служить.
В Аркадии своей ты был с зверями равен,
И мнимый век златой, век лени, детства, сна,
Бесславен для тебя, хотя в стихах и славен.
Для бедных разумом жизнь самая бедна:
Лишь в общежитии мы им обогатились;
Лишь там художества с науками родились –
И первый в мире град был первым торжеством
Даров, влиянных в нас премудрым божеством.
Не в поле, не в лесах святая добродетель
Себе воздвигла храм: Сократ в Афинах жил,
И в Риме Нума[58] царь, своих страстей владетель,
Своих законов раб, бессмертье заслужил.
Не тот Герой добра, кто скрылся от порока,
От искушения, измен, ударов рока
И прожил век один с полмертвою душой,
Но тот, кто был всегда примером для людей,
Среди бесчисленных опасных преткновений,
Как мраморный колосс, незыблемо стоял,
Стезю правды шел во мраке заблуждений,
Сражался с каждым злом, сражаясь, побеждал.
Так кормчий посреди морей необозримых
Без страха видит гроб волнистый пред собой
И слышит грозный рев пучин неизмеримых;
Там гибельная мель, здесь камни под водой:
Но с картою в руках, с магнитом пред очами
Пловец в душе своей смеется над волнами
И к пристани спешит, где ждет его покой».
В сей хижине живет питомец Эпиктета,
Который, истребив чувствительность в себе,
Надежду и боязнь, престал служить судьбе
И быть ее рабом. Сия царица света
Отнять, ни дать ему не может ничего:
Ничто не веселит, не трогает его;
Он ко всему готов. Представь конец вселенной:
Небесный свод трещит; огромные шары
Летят с своих осей; в развалинах миры...
Сим страшным зрелищем мудрец не уstraшенной
Покойно бы сказал: «Мне время отдохнуть
И в гробе Естества сном вечности заснуть!»

Поэт пред ним свои колена преклоняет
И полубога в нем на лире прославляет:
«Великая душа! что мир сей пред тобой?
Горсть пыльная земли. Кто повелитель твой?
Сам бог – или никто. Ты нужды не имеешь
В подпоре для себя: тверда сама собой.
Без счастья быть всегда счастливою умеешь,
Умея презирать ничтожный блеск его;
Оно без глаз, а ты без глаз и для него:
Смеется иль грозит, не видишь ничего.
Пусть карлы будут им велики или славны:
Обманчивый призрак! их слава звук пустой;
В величии своем они с землею равны;
А ты равна ли с чем? с единою собой!»
И с тою ж кистию, с тем самым же искусством
Сей нравственный Апелл[59] распишет слабость вам,
Для стойков пороков, но сродную сердцам
Зависимых существ, рожденных с нежным чувством...
Ах! слабость жить мечтой, от рока ожидать
Всего, что мыслям льстит, – надеяться, бояться,
От удовольствия и страха трепетать,
Слезами радости и скорби обливаться!..
«Хвалитесь, мудрецы, бесстрашием своим
И будьте камнями назло самой природе!
Чувствительность! люблю я быть рабом твоим;
Люблю предпочитать зависимость свободе,
Когда зависимость есть действие твое,
Свобода ж действие холодности беспечной!
Кому пойду открыть страдание мое
В час лютыя тоски и горести сердечной?
Тебе ль, Зенон? чтоб ты меня лишь осудил,
Сказав, что винен я, не властвуя собою?
Ах! кто несчастья в сей жизни не вкусил,
Кто не был никогда терзаем злой судьбою
И слабостей не знал, в том сожаленья нет;
И редко человек, который вечно тверд,
Бывает не жесток. Я к вам пойду с слезами,
О нежные сердца! вы плакали и сами;
По чувству, опыту известна горесть вам.
К страдавшим страждущий доверенность имеет:
Кто падал, тот других поддерживать умеет.
Мы вместе воскурим молений фимиам...
Молитва общая до вышнего доходна;
Молитва общая детей отцу угодна...
Он исполнение с любовью изречет;
Зефир с небес для нас весть сладкую снесет;
Отчаяния мрак надеждой озарится,
И мертвый кипарис чудесно расцветет;
Кто был несчастлив, вдруг от счастья прослезится».
Богатство, сан и власть! не ищет вас поэт;
Но быть хотя на час предметом удивленья
Милее для него земного поклоненья
Бесчисленных рабов. Ему венок простой
Дороже, чем венец блистательный, златой.
С какою ж ревностью он славу прославляет
И тем, что любит сам, сердца других пленяет!
С какою ревностью он служит эхом ей,
Гремящий звук ее векам передавая!
Сын фебов был всегда хранитель алтарей,
На коих, память душ великих обожая,
Потомство фимиам бессмертию курит.
«Все тленно в мире сем, жизнь смертных скоротечна,
Минуты радости, но слава долговечна:
Живите для нее! – в восторге он гласит. –
Достойна жизни цель, достойна жертв награда.
Мудрец! ищи ее, трудясь во тьме ночей:
Да искрой истины возжженная лампада
Осветит ряд веков и будет для людей

Стихотворения. Николай Михайлович Карамзин karamzinniko1ai.ru
Источником отрад! Творец благих законов!
Трудись умом своим для счастья миллионов!
Отдай отечеству себя и жизнь, герой!
Для вас покоя нет; но есть потомство, слава:
История для вас подымлет грифель свой.
Вы жертвой будете всемирного устава,
Низыдете во гроб, но только для очей:
Для благодарных душ дни ваши бесконечны;
Последствием своим дела и разум вечны:
Сатурн не может их подсечь косою своею.
Народы, коих вы рождения не зрели,
Которых нет еще теперь и колыбели,
Вас будут знать, любить, усердно прославлять,
Как гениев земли считать полубогами
И клясться вашими святыми именами!»
Так свойственно певцу о славе воспевать;
Но часто видя, как сердца людей коварны,
Как души низкие все любят унижать,
Как души слабые в добре неблагодарны,
Он в горести гласит: «О слава! ты мечта,
И лишь вдали твои призраки светозарны;
Теряется вблизи их блеск и красота.
Могу ли от того я быть благополучен,
что скажет обо мне народная молва?
Счастливо ль сердце тем, что в лаврах голова?
Великий Александр[60] себе был в славе скупен
и в чаше Вакховой забвения искал.[61]
Хвалы ораторов афинских он желал;
Но острые умы его пересмежали:
В Афинах храбреца безумцем называли.
Ах! люди таковы: в божественных душах
Лишь смотрят на порок, изящного не видят;
Великих любят все... в романах, на словах,
Но в свете часто их сердечно ненавидят.
Для счастья веков трудись умом своим:
В награду прослывешь мечтателем пустым;
Будь мудр, и жди себе одних насмешек злобных.
Глупцам приятнее хвалить себе подобных,
Чем умных величать; глупцов же полон свет.
Но справедливость нам потомство отдает!..
Несчастный! что тебе до мнения потомков?
Среди могил, костей и гробовых обломков
Не будешь чувствовать, что скажут о тебе.
Безумен славы раб! безумен, кто судьбе
За сей кимвальный звон[62] отдаст из доброй воли
Спокойствие души, блаженство тихой доли!
Не знает счастья, не знает тот людей,
кто ставит их хвалу предметом жизни всей!»
Но в чем сын Фебов так с собою несогласен,
Как в песнях о любви? то счастье она,
То в сердце нежное на муку вселена;
То мил ее закон, то гибелен, ужасен.
Любовь есть прелесть, жизнь чувствительных сердец;
Она ж в Поэзии начало и конец.
Любви обязаны мы первыми стихами,
и Феба без нее не знал бы человек.
Прощаясь с ее эфирными мечтами,
Поэт и с музами прощается навек –
или стихи его теряют цвет и сладость;
Златое время их есть только наша младость.
Внимай: Эротов друг с веселием поет
счастливую любовь: «Как солнце красит свет
и мир физический огнем одушевляет,
Так мир чувствительный любовью живет,
так нежный огонь ее в нем душу согревает.
Она и жизнь дает, она и жизни цель;
Училищем ее бывает колыбель,
и в самой старости, у самых могилы

Ее бесценные воспоминанья милы.
Когда для тайных чувств своих предмет найдем,
Тогда лишь прямо жить для счастья начнем;
Тогда узнаем мы свое определенье.
Как первый человек, нечаянно вкусив
Плод сочный, вдруг и глад и жажду утолив,
Уверился, что есть потребность, наслажденье,
Узнал их связь, предмет[63][64] – так юный человек.
Любящий в первый раз, уверен в том душою,
Что создан он любить, жить с милою своею,
Составить с ней одно – или томиться ввек.
Блаженная чета!.. какая кисть опишет
Тот радостный восторг, когда любовник слышит
Слова: люблю! твоя!.. один сей райский миг
Завиднее ста лет, счастливо проведенных
Без горя и беды, в избытке благ земных!
Все мило для сердец, любовью упоенных;
Где терние другим, там розы им цветут.
В пустыне ль, в нищете ль любовники живут,
Для них равно; везде, во всем судьбой довольны.
Неволя самая им кажется легка,
Когда и в ней они любить друг друга вольны.
Ах! жертва всякая для нежности сладка.
Любовь в терпении находит утешенье
И в верности своей за верность награжденье.
Над сердцем милым власть милее всех властей.
Вздыхает иногда и лучший из царей:
Всегда ли может он нам властью своею
Блаженство даровать? В любви ж всегда мы ею
И сами счастливы, и счастье даем,
Словами, взорами, слезой, улыбкой – всем.
Минута с милою есть вечность наслажденья,
И век покажется минутой восхищенья!»
Так он поет – и вдруг, унизив голос свой,
Из тихо-нежных струн дрожащею рукой
Иные звуки он для сердца извлекает...
Ах! звуки горести, тоски! Мой слух внимает:
«Я вижу юношу примерной красоты;
Любовь, сама любовь его образовала;
Она ему сей взор небесный даровала,
Сии прелестныя любезности черты.
Для счастья создан он, конечно б вы сказали;
Но томен вид его, и черный креп печали
Темнит огонь в глазах. Он медленно идет
Искать не алых роз среди лугов весенних –
И лето протекло, цветов нигде уж нет, –
Но горестных картин и ужасов осенних
В унылых рощах, где валится желтый лист
На желтую траву, где слышен ветров свист
Между сухих деревьев; где летом птички пели,
Но где уже давно их гнезда охладели.
Там юноша стоит над шумною рекой
И, зря печальный гроб Натуры пред собой,
Так мыслит: «Прежде все здесь жило, зеленело,
Цвело для глаз; теперь уныло, помертвело!..
И я душою цвел, и я для счастья жил:
Теперь навек увял и с счастьем простился!
Начто ж мне жизнь? – сказал.. в волнах реки сокрылся...
О нежные сердца! сей юноша любил;
Но милый друг ему коварно изменил!..
Хотите ли змею под алой розой видеть,
Хотите ль жизнь и свет душой возненавидеть
И в сердце собственном найти себе врага –
Любите!.. скоро прах ваш будет под землею:
Ах! жизнь чувствительных не может быть долга!
Любовь для них есть яд: восторгом и тоскою
Она мертвит сердца; восторг есть миг – пройдет,
Но душу от других благ в мире отвращает:

Все будет скучно ей – тоска же в ней живет,
Как лютая змея; всегда, всегда терзает.
Измена, ветренность, коварство, злой обман...
Кому исчислить все причины огорчений,
Все бедствия любви? их целый океан,
При капле, может быть, сердечных наслаждений.
Когда увидите страдания черты
И бледность томную цветущей красоты,
Ах! знайте, что любовь там душу изнуряет.
Кто ж счастливым себя любовью почитает,
Тот пением сирен на время усыплен,
Но тем несчастнее, проснувшись, будет он!»
Противоречий сих в порок не должно ставить
Любимцам нежных муз; их дело выражать
Оттенки разных чувств, не мысли соглашать;
Их дело не решить, но трогать и забавить.
Пусть ищет философ тех кладезей подземных,
Где истина живет без всех гаданий темных
И где хранится ключ природы для ума!
Здесь [65] сердце говорит, но истина нема;
Поэты делают язык его нам внятным –
И сердцу одному он должен быть приятным.
Оно полюбит вещь, невзлюбит через час,
И музы в сем ему охотно подражают:
То хвалят с живостью, то с жаром осуждают.
Предметы разный вид имеют здесь для нас:
С которой стороны они явятся взору,
И чувству таковы. Поди в весенний сад,
Где ветренный Зефир, резвясь, целует флору
В прелестных цветниках – там зрение пленят
И роза и ясмин, и ландыш и лилея:
Сорви что выберешь по вкусу своему.
Так точно, нежный вкус к Поэзии имея,
Читай стихи – и верь единственно тому,
Что нравится тебе, что сказано прекрасно,
И что с потребностью души твоей согласно;
Читай, тверди, хвали: хвала стихам венец.
Поэзия – цветник чувствительных сердец.
1798

Надгробие шарлатана
Я пыль в глаза пускал;
Теперь – я пылью стал.
1799

Меланхолия [66]
Подражание Делилю

Страсть нежных, кротких душ, судьбою угнетенных,
Несчастливых счастье и сладость огорченных!
О Меланхолия! ты им милее всех
Искусственных забав и ветреных утех.
Сравнится ль чтонибудь с твоею красотой,
С твоей улыбкою и с тихою слезою?
Ты первый скорби врач, ты первый сердца друг:
Тебе оно свои печали поверяет;
Но, утешаясь, их еще не забывает.
Когда, освободясь от ига тяжких мук,
Несчастный отдохнет в душе своей унылой,
С любовью ему ты руку подаешь
И лучше радости, для горестных немилый,
Ласкаешься к нему и в грудь отраду льешь
С печальной кротостью и с видом умиленья.
О Меланхолия! нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья!
Веселья нет еще, и нет уже мученья;
Отчаянье прошло... Но, слезы осушив,
Ты радостно на свет взглянуть еще не смеешь

Стихотворения. Николай Михайлович Карамзин karamzinniko1ai.ru

И матери своей, Печали, вид имеешь.
Бежишь, скрываешься от блеска и людей,
И сумерки тебе милее ясных дней.
Безмолвие любя, ты слушаешь унылый
Шум листьев, горных вод, шум ветров и морей.
Тебе приятен лес, тебе пустыни милы;
В уединении ты более с собой.
Природа мрачная твой нежный взор пленяет:
Она как будто бы печалится с тобой.
Когда светило дня на небе угасает,
В задумчивости ты взираешь на него.
Не шумная весна любезная веселость,
Не лета пышного роскошный блеск и зрелость
Для грусти твоя приятнее всего,
Но осень бледная, когда, изнемогая
И томною рукой венки свой обрывая,
Она кончины ждет. Пусть веселится свет
И счастье грубое в рассеянии новом
Старается найти: тебе в нем нужды нет;
Ты счастлива мечтой, одною мыслью – словом!
Там музыка гремит, в огнях пылает дом;
Блещут красотой, алмазами, умом:
Там пиршество... но ты не видишь, не внимаешь
И голову свою на руку опускаешь;
Веселие твое – задумавшись, молчать
И на прошедшее взор нежный обращать.
1800

ПРИМЕЧАНИЯ

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) родился в Симбирской губернии в семье дворянина. Учился сначала дома, затем в одном из частных пансионов Симбирска и, наконец, в пансионе профессора Шадена в Москве. Недолго служил в петербургском гвардейском полку. После смерти отца оставил службу и вернулся в Симбирск. Ведет здесь рассеянную светскую жизнь. По совету директора Московского университета, видного масона И. П. Тургенева, переезжает в Москву и сам становится масоном. Вступает в «Дружеское общество», организованное Н. И. Новиковым и вместе с А. А. Петровым (масоном и другом Карамзина) издает журнал «Детское чтение для сердца и разума». В 1787 году печатает перевод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь», а в 1789 году в «Детском чтении» – первую свою сентиментальную повесть «Евгений и Юлия».

В конце 80-х годов Карамзин отходит от масонов и отправляется в путешествие по Западной Европе (1789–1790 гг.). Был в Германии, Швейцарии, Франции и Англии. По возвращении в Россию издает «Московский журнал» (1791–1792 гг.), в котором напечатал «Письма русского путешественника», повести «Бедная Лиза», «Наталья – боярская дочь», «Фрол Силин». Эти произведения имели большой успех у читателей, вызвали массу подражаний и способствовали упрочению в России нового литературного направления – сентиментализма. В 90-е же годы выпускает два альманаха – «Аглая», «Аониды» и сборник «Мои безделки».

В 1802–1803 годах издавал журнал «Вестник Европы», в котором, кроме беллетристики (историческая повесть «Марфа Посадница» и др.) и литературно-критических статей, помещает политические обозрения.

В 1803 году начинает работу над «Историей государства Российского» и в 1808 году получает звание придворного историографа. «История» Карамзина была встречена современниками с большим энтузиазмом и оказала влияние на многих писателей. Умер Карамзин в разгаре работы над двенадцатым томом своего исторического труда.

Стихотворения Н. Карамзина печатаются по тексту издания: Н. М. Карамзин, Полное собрание стихотворений (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», М. – Л. 1966.

Примечания

1

Песни божественных арфистов звучат с силой одухотворяющей. Клопшток (нем.). – Ред.

2

Эпиграф принадлежит перу немецкого поэта Фродриха Готлиба Клопштока (1724–1803).

3

Ты пал, о человек! – Имеется в виду грехопадение Адама и Евы в раю (библ.).

4

Дщерь небес – муза.

5

Эдемский сад – рай.

6

Когда погибло все... – Имеется в виду всемирный потоп (библ.).

7

Так славный, мудрый бард... – пророк Моисей, которому в Библии приписывается книга «Бытия», где описано сотворение богом вселенной.

8

Так оный муж святой, в грядущее проникший... – царь Соломон, которую считают автором библейской книги Екклесиаст (Проповедник).

9

...так царственный поэт, // Родившись пастухом... – царь Давид, псалмопевец (библ.).

10

Омир – Гомер.

11

Бион, Теакрит (Феокрит), Мосхос (Мосх) – авторы идиллий в Древней Греции (IV–III вв. до н. э.).

12

Так Августов поэт, так пастырь Мантуанский... – Поэт Вергилий родился в Мантуе; в своих произведениях воспевал императора Октавиана Августа.

13

Он пел, и всякий мнил, что слышит глас Омира... – Имеется в виду поэма Вергилия «Энеида», написанная по образцу гомеровских поэм.

14

Он пел, и всякий мнил, что сельский Теокрит... – Подразумевается Вергилий и его «Георгики» и «Буколики».

15

Овидий воспевал начало всех вещей... – «Метаморфозы» Овидия.

16

Сочинитель говорит только о тех поэтах, которые наиболее трогали и занимали его душу в то время, как сия пьеса была сочиняема. (прим. автора).

17

Стихотворения. Николай Михайлович Карамзин karamzinniko1ai.ru
Фингалов мрачный сын... – Оссиан (III, в.) – полупоэтический шотландский поэт. Под его именем английский поэт Макферсон в 1760–1762 годах издал свои поэмы на темы шотландского эпоса.

18

Сам Шекспир сказал:

The cloud cap'd towers, the gorgeous palaces,
The solemn temples, the great globe itselfe,
Yea, all which it inherits, shall dissolve,
And, like the baseless fabric of a vision,
Leave not a wreck behind.

Какая священная меланхолия вдохнула в него эти стихи? (прим. автора). (Стихи из пьесы Шекспира «Буря», перевод которых приведен в тексте стихотворения в кавычках. – Ред.)

19

Йонг – Юнг.

20

Томсон Джеймс (1700–1748) – английский поэт, автор поэмы «Времена года».

21

Альпийский Теокрит – Геснер Соломон (1730–1788), швейцарский поэт, автор идиллий.

22

Эти стихи прибавлены после. (прим. автора).

23

Начало и конец Мессииных страданий... – Мессия – Христос, спаситель; речь идет о поэме «Мессиада» немецкого поэта Клопштока.

24

Я читал об этом в одном немецком журнале. (прим. автора).

25

Граф Гваринос. – Перевод старинного испанского романа, найденного Карамзиным в немецком издании «Magazin der Spanischen und Portugalischen Literatur» (1780–1783). Романс упоминается в романе Сервантеса «Дон-Кихот».

26

В Ронсевале... – Битва франков с маврами при Ронсевале (778 г.) закончилась поражением франков.

27

Индийское растение. (прим. автора).

28

В день св. Иоанна гишпанцы усыпали улицы галгантом и митрами. (прим. автора).

29

Праздник Иоаннов. – 24 июня, по церковному преданию, день рождения Иоанна Крестителя.

30

Кладбище. – Вольный перевод стихотворении немецкого писателя Л. Козегартена (1758–1818) «Des Grabes Purchtbarkeit und Lieblichkeit» («Ужасы и прелести могилы»).

31

Послание к Дмитриеву... – Стихотворение написано в ответ на «Стансы к Карамзину» (1793) И. Дмитриева. Оно отражает острый идейный кризис, переживаемый Карамзиным в 1793–1794 годах.

32

Известно из мифологии, что Иксион, желая обнять Юнону, обнял облако и дым. (прим. автора).

33

...с Платоном // Республик нам не учредить... – Отзвук разочарования Карамзина во французской революции. Мысль об идеальном обществе связывалась у Карамзина с республикой Платона, основы которой излагались последним в его диалогах «Государство», «Политика», «Законы».

34

Питтак (651–569 до н. э.), Фалес (640–540 до н. э.), Зенон (видимо, Зенон – стоик; 336–264 до н. э.) – греческие философы.

35

Они в подземном мире льют беспрестанно воду в худой сосуд. (прим. автора).

36

Сократ (469–399 до н. э.) – греческий философ-идеалист; оклеветанный в непочитании богов и развращении юношества, по решению народного собрания выпил предложенный ему яд.

37

Смотри Шекспирову трагедию «Отелло». (прим. автора).

38

Древние поэты говорили, что золотая Фебова стрела приносит смерть человеку. (прим. автора).

39

Послание к Александру Алексеевичу Плещееву. – Стихотворение навеяно думами о судьбах французской революции. А. А. Плещеев (ок. 1775–1827) – писатель, приятель Карамзина.

40

Сии стихи писаны в самом деле под тению ив. (прим. автора).

41

Десять тысяч! Читатель может сомневаться в верности счета; но один из древних же авторов пишет, что их было точно десять тысяч. (прим. автора).

42

Хилон (VI в. до н. э.) – один из «семи мудрецов» Древней Греции.

43

Стихотворения. Николай Михайлович Карамзин karamzinniko1ai.ru
Эпименид (VII в. до н. э.) – критский философ и поэт.

44
Критон (конец V в. до н. э.) – афинский философ.

45
Бион (Бористенит; IV–III вв. до н. э.) – греческий философ.

46
Симмий (V–IV вв. до н. э.) – ученик Сократа, его собеседник в диалоге Платона «Федон».

47
Стильпон (жил ок. 320 до н. э.) – греческий философ, предшественник стоиков.

48
Эрмий (V–IV вв. до н. э.) – греческий философ.

49
Чудесный философский камень... – Имеется в виду разыскиваемое алхимиками чудодейственное средство изготовления золота.

50
Япетов сын – Прометей.

51
Смельчак, Америку открывший... // Индейцев в цепи заключивший, // Цепями сам окован был... – После открытия Америки (1492–1498 гг.) Христофор Колумб (1451–1506) занял на новых землях пост вице-короля и повел истребительную войну против индейцев. За назначением в 1500 году нового правителя последовал арест Колумба; последний, закованный в цепи, был отправлен в Испанию.

52
Многие пустынные, как известно, сходили с ума в уединении. (прим. автора).

53
Лаиса – греческая гетера V в. до н. э.; здесь: нарицательное имя красавицы, продающей любовь за деньги.

54
Или, Платонов воскрешая... // Закон республикам давай... – Карамзин сочувственно относился к воззрениям Платона на республиканский строй, однако «Платонову республику мудрецов» считал утопией, «мечтой», которая никогда не может быть осуществлена в действительности.

55
Тацит. – Тацит Публий Корнелий (55–120) – римский историк. Резко осудил деспотизм римских императоров и падение нравов в Римской империи.

56
Несогласия – здесь: противоречия.

57
...где, действуя лишь для себя самих, // Невольно действуем для выгоды других... –

Стихотворения. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru
Мысль французских просветителей о сочетании в обществе личных и общественных интересов.

58

Нума Помпилий – легендарный идеальный правитель, второй царь Древнего Рима.

59

Апелл – Апеллес, греческий живописец (IV в. до н. э.).

60

Великий Александр – Александр Македонский.

61

Известно, что Александр излишне любил вино. (прим. автора).

62

Кимвальный звон – торжественный, праздничный звон (кимвал – древневосточный ударный музыкальный инструмент).

63

См. в Бюффоне чувства первого человека. [64] (прим. автора).

64

См. в Бюффоне чувства первого человека. – Карамзин перевел отрывок из «Естественной истории» французского натуралиста Жоржа-Луи Кюффона (1707–1788). В этом отрывке излагалась сенсуалистическая теория связи чувств и мыслей.

65

То есть в здешнем свете. (прим. автора).

66 Меланхолия. – Вольный перевод отрывка из поэмы «L'Imagination» («Воображение») французского поэта Ж. Делиля (1738–1813).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://karamzinnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!